

Товстоногов Т.

1/х-86

СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ

МАСТЕРА ТЕАТРА О МАСТЕРАХ ШАХМАТ

На каждую партию матча-реванша семья Товстоноговых делегировала своего представителя. Поскольку главный режиссер АБДТ имени М. Горького, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Георгий Александрович Товстоногов очень занят, а его старший сын — главный режиссер Театра имени К. С. Станиславского, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР Александр Товстоногов живет и работает в Москве, этим делегатом, как правило, оказывался младший сын Георгия Александровича — директор Ленинградского государственного Большого театра кукол Николай Товстоногов.

Николай Товстоногов: «Во время матча на мне лежала немалая ответственность: каждый вечер, а точнее, ночью сообщать отцу и старшему брату все тонкости и перипетии сыгранной партии. Рассказывать отцу очень непросто. Он не любит, когда отделиваются общими фразами, и хотя играет на любительском уровне, а я кандидат в мастера, он часто ставит меня в тупик. Правда, его больше интересуют психологические аспекты, чем чисто шахматные».

Г. А. Товстоногов: «Шахматист я, конечно, слабый, но риску порою высказывать шахматные суждения. Считаю, что право на это мне дает полувековой стаж «болеяния» — с 1935 года. Тогда, будучи студентом ГИТИСа, я почти ежедневно ходил на второй Московский международный турнир. Восхищали меня тогда элегантность, изящество, артистичность Капабланки, что проявлялось не только в его игре, но и в манере вести себя, одеваться, держаться на сцене. В театре, не говоря уж о кино, тоже ведь очень важно личное обаяние актера, которое может спасти даже не слишком удачный спектакль. С 1935 года я в курсе всех сколько-нибудь значительных шахматных событий».

Александр Товстоногов: «У меня и сейчас довольно сложные отношения с шахматами. С одной стороны, я ярый болельщик и всчески поощряю любовь к шахматам моего десятилетнего

сына Георгия. С другой — постоянно борюсь с ними в... своем театре. В отличие от актеров «Современника», которые чуть ли не в полном составе ходили в Москве на матчи Карпова с Каспаровым, артисты Театра имени К. С. Станиславского больше любят играть сами. И порой так увлекаются, что не только не успевают настроиться на исполнение роли, но даже забывают вообще вовремя выйти на сцену. Пару раз чуть не сорвали спектакли. Ну, а в дни матча-реванша в нашем театре была настоящая шахматная горячка. Не люблю детективы, но спектакль с подобной динамикой поставил бы с удовольствием».

Г. А. Товстоногов: «У шахмат в хорошем исполнении почти всегда замечательная драматургия. Есть пьесы, в которых участвует много актеров, но их скучно смотреть, потому что заранее угадываешь, как будет развиваться сюжет и чем все закончится. В шахматной же партии всегда два действующих лица, но они держат зрителя в напряжении до конца».

Александр Товстоногов: «Ты всегда говорил, что тебе больше импонирует искрометный стиль Алехина, Таля. Вот теперь — Каспарова. Но как-то я слышал, что ты восхищался Капабланкой, Смысловым, Карповым — шахматистами совершенно иного стиля».

Г. А. Товстоногов: «Для меня все-таки главное — личность шахматиста. Я всегда недоверчиво относился к дилетантизму, хотя встречал иногда очень талантливых дилетантов. Профессионалы в лучшем смысле этого слова — Стейнниц, Алехин, Фишер. С другой стороны, я с огромным уважением относился и к тем, кто не в ущерб шахматам добивался больших успехов и в других областях, — Ласкеру, Ботвиннику. Хотя, конечно, я отдаю себе отчет в том, что современные шахматы с их огромным запасом накопленных знаний и информации требуют на высшем уровне человека целиком».

Николай Товстоногов: «Ты говоришь, что прежде всего важна личность. Не могу не вспомнить один случай. В 1974 году я отложил в очень сложной позиции решающую для меня партию. Я знал, что в Ленинграде

находился в этот момент Михаил Таль, мой давний и хороший знакомый, и решил попросить его помочь мне в анализе. Но не знал, где он остановился, и по чьему-то совету начал выяснять это по телефону у совсем мне не знакомого Анатолия Карпова. Он играл тогда свой первый претендентский матч и был, конечно, очень озабочен. «А зачем вам Таль?» — спросил у меня Карпов. «Проанализировать позицию». — «Продуктите ее мне и разыщите меня потом в Комарове. Я буду там вместе со своим тренером Фурманом». Приехав затем в Комарово, я издалека узнал в доме отдыха Карпова, стоящего ко мне спиной. Подойдя поближе, увидел, что он на карманных шахматах анализирует мою позицию. Нечего и говорить, что эту партию я выиграл с блеском и навсегда сохранил благодарность к Анатолию Евгеньевичу, который в такой важный для себя момент нашел время помочь в сущности абсолютно незнакомому человеку».

Александр Товстоногов: «Отец! Карпов еще молодой человек, но он уже сдал чемпионские полномочия еще более молодому Каспарову, то есть произошла как бы смена поколений. Спрашиваю у тебя как режиссера: а как ты относишься к смене поколений в театре?»

Г. А. Товстоногов: «Мне кажется, что в театре эта проблема сложнее, чем в шахматах, где она решается прямым единоборством. В театре же все коллизии, связанные с возрастом, с падением мастерства, на совести режиссера, который при этом должен проявить максимум такта, чуткости, профессионального чутья. В театре, который, как известно, отражает жизнь, без актеров старшего поколения, даже просто пожилых, обойтись, естественно, невозможно. Но и в шахматах нужны «старики» — носители шахматной мудрости и опыта. Впрочем, все это не имеет ни малейшего отношения к экс-чемпиону мира Карпову. Для шахматиста 35 лет — это же расцвет!».

Разговор Товстоноговых записали

Н. БОРИСОВ,
Г. ПОПОВ.

ЛЕНИНГРАД.

СОВЕТСКИЙ СПОРТ

1 ОКТ 1986